

АБРАМОВ КИРИЛЛ

ЧЕЛОВЕК В ПАЛЬТО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кирилл Абрамов

Человек в пальто

«Автор»

2026

Абрамов К.

Человек в пальто / К. Абрамов — «Автор», 2026

Саша живёт с прошлым, которое не отпускает: двенадцать лет назад его брат погиб из-за долгов. Однажды Саша видит на улице высокого мужчину в старинном пальто. Тот указывает на него пальцем. Позже преследуя его. Сашу пытается спасти коллега Лена и разобраться, кто за ним идёт. Но чем дальше, тем яснее: прошлое не умеет ждать. Оно умеет только возвращаться.

© Абрамов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Незнакомец в пальто	5
Глава 2. Ночной кошмар	8
Глава 3. Утро. Совещание. Звонок Лены	9
Глава 4. Прогулка по бульвару. Сближение	17
Глава 5. Квартира Лены. Откровенный разговор	20
Глава 6. Ночной стук.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Кирилл Абрамов

Человек в пальто

Глава 1. Незнакомец в пальто

Прохладный осенний вечер. Затянутое тучами небо неохотно пропускало редкие солнечные лучи, которые словно искали лазейки в облаках, чтобы подарить людям последнее тепло. Один из таких лучей согревал молодого человека. После тяжёлого дня Саша сидел на подоконнике и, погружённый в свои мысли, лениво разглядывал прохожих на оживлённой улице.

Наблюдательность у него была отменная: несмотря на шестой этаж, он подмечал каждую мелочь — неопрятный вид, грязную обувь, кривую походку. Но внезапно его внимание привлёк странный мужчина. Он резко выделялся из толпы. Его одежда казалась совершенно чужой для этих мест — и хотя мода в нулевых менялась стремительно, таких нарядов Саша не видел ни разу.

— Слишком старинная... как в восемнадцатом веке, — пробормотал он вслух.

Прохожий был гораздо выше остальных, а его походка поражала: он шёл настолько плавно и легко, будто состоял из гелия. По коже Саши пробежал странный холодок.

— Каких только идиотов сейчас нет. Как только не нарядятся...

Внезапно мужчина остановился, выбиваясь из общего человеческого потока. Он медленно повернул голову и уставился тяжёлыми, пустыми глазами прямо в окно Саши. Этот взгляд мгновенно бросил парня в пот — казалось, сама смерть смотрит на него из темноты.

От окна его оторвал резкий звонок мобильного. Звонила коллега.

— Алло... Саша? — звонко прозвучал в трубке девичий голос.

— Да, Лен, что? — с тяжестью в голосе ответил он.

— У нас завтра совещание с начальством, ты не забыл? Подготовил презентацию?

— Да... — робко и быстро бросил Саша, всем видом показывая, что хочет поскорее закончить разговор.

— Саш... всё хорошо? Опять проблемы? Походы к психологу не помогают?

— Всё нормально, не забивай голову. Это всё, что ты хотела сказать?

— Да.

— Тогда пока.

Он резко сбросил вызов и швырнул телефон на кровать. Не то чтобы у Саши были плохие отношения на работе — наоборот, коллеги тянулись к нему. Но он по натуре был холодным и отстранённым. Возможно, сказывались травмы детства, которые он прорабатывал с психотерапевтом по сей день.

Он вернулся к окну. Этот жуткий взгляд казался до боли знакомым, будто незнакомец знал Сашу лучше, чем он сам. Но за те десять секунд, что длился звонок, мужчина бесследно исчез. Небо окончательно заволочло тучами, припустил дождь, и на улице началась суета. Саша любил дождь — он его успокаивал, но созерцать людскую суматоху не хотелось. Он решил пойти на кухню и заварить чай.

В свои двадцать три года Саша жил в маленькой, но уютной однокомнатной квартире. Ему хватало, тем более что большую часть времени он всё равно проводил на подоконнике, мечтая о будущем.

Зайдя на кухню, быстро наполнив чайник водой и поставив его на плиту, Саша взглянул в окно — там было видно только отражение.

— Да-а-а... Запустил себя, — вздохнул он, вглядываясь в собственное лицо, и снова ушёл в мысли.

Взгляд непроизвольно зацепился за старую люстру. И в то же мгновение Саша перенёлся в детство. Это был прекрасный летний день 1994 года. За окном заливались птицы. Саша только вышел из ванной и зашёл в комнату за одеждой. Напротив на диване лежал его старший брат и с ехидной улыбкой разглядывал билеты компании МММ.

— Что ты всё смотришь на эти недоделки? — проворчал Саша, натягивая футболку. — На них в ларьке ничего не купишь, зато всем знакомым предлагаешь.

— Это, Саня, наш билет в будущее! Мы с ними богаты станем. Как Лёня Голубков в рекламе.

— А сейчас-то мы что делать будем? В доме еды почти нет, опять эту дурацкую кашу есть... Бе-е-е, как вспомню — сразу тошно. Ты ещё и все деньги на них спустил, да в долг взял. Как расплачиваться думаешь?

— Тсс! — брат резко приложил палец к губам. — Откуда про долг узнал? Маме не смей говорить!

— Да ладно тебе, видел, как ты из Бэхи выходил с конвертом.

— Ладно... Но маме ни слова. Просто потерпи, Саш, полгодика. И будет тебе всё, что захочешь: и колбаса твоя любимая, и велик новый куплю.

— Эти полгода ещё прожить надо. На одной каше мы не протянем... Но за плату за молчание я готов потерпеть.

— Ах ты ушлый! Весь в меня, — рассмеялся брат.

— Всё, я гулять, а то Петя с Ваней заждались.

Выбежал Саша из комнаты. Саша быстро побежал к двери, напевая дурацкую песню из рекламы, собираясь уже обувать ботинки. Резко из кухни раздался строгий голос матери:

— Ну-ка, оболтус, куда побежал? Сначала каша, потом улица. А то опять на весь день пропадёшь!

— Фу-у-у, опять каша, — шёпотом выругался Саша. — Лучше бы и не вспоминал про неё.

Расстроенный, но послушный, он поплёлся на кухню.

— Давай, ешь. Пока чистую тарелку не увижу — из-за стола не выйдешь.

— Но меня друзья жд...

— Без но! — резко отрезала мама.

Взяв ложку, он начал нехотя ковырять пшеничную кашу. Саша ел её последние полгода каждый день: маме на мелькомбинате зарплату выдавали исключительно крупой.

— Ма-а-ам, — с набитым ртом позвал Саша.

— Сначала прожуй, потом говори.

— Мам, а что это за люстра в коробке в углу стоит?

— Где? А, эта... Это, сынок, папе тоже зарплату выдали, — с тяжёлым вздохом ответила мать, но тут же попыталась подбодрить сама себя: — Надо её, кстати, повесить. Где этот наш бизнесмен? А? — повысив голос, крикнула она на всю квартиру.

— ЧТО, МАМ? — донёсся ответный крик из комнаты.

— Люстру повесь, а то лежишь без дела!

— Я так-то, пока лежу, деньги зарабатываю! — ворча, вошёл на кухню брат.

— Ну-ну, — с ухмылкой Сашка посмотрел на него.

Мать только цокнула языком.

...Вдруг навязчивый свист ворвался в сознание. Саша вздрогнул и мотнул головой, возвращаясь в реальность. Чайник на плите неистово свистел, а из-под крышки уже начинала выкипать вода.

— Ё-мое, ну и задумался я... Чуть вся вода не убежала, — пробормотал Саша.

Он выключил конфорку, налил себе чаю и пошёл обратно в комнату. Горячая кружка приятно обжигала пальцы, возвращая в реальность. Саша снова сел на подоконник, поджав под

себя одну ногу. Дождь за окном усилился, превращая оживлённую улицу в размытую картину из серых и жёлтых неоновых пятен. Прохожие внизу раскрывали зонты, бежали к метро, увязая в свежей осенней грязи. Саша лениво водил взглядом по толпе, но того высокого мужчины в пальто нигде не было.

«Показалось, — подумал Саша, делая глоток крепкого чая. — Просто переутомление. Лена права, надо выспаться».

Вечер тянулся невыносимо долго. Саша пытался отвлечься: включил телевизор, где крутили какие-то старые клипы, полистал рабочие документы к завтрашнему совещанию, но мысли постоянно ускользали. Внутри, где-то под рёбрами, ворочалось липкое, неприятное чувство тревоги. Мир вокруг Саши становился слишком резким, громким и неудобным. Каждая тень в углу комнаты казалась глубже и темнее, чем обычно.

Около полуночи он решил лечь спать. Саша выключил свет, забрался под одеяло и закрыл глаза.

Но сон не пришёл. Вместо него началась ночная пытка. В темноте слух Саши обострился до предела. Он слышал, как монотонно шумят капли, бьющие по отливу окна. Слышал гул редких машин на шоссе. А потом... старая люстра на потолке тихо, едва слышно скрипнула.

Саша распахнул глаза и уставился в потолок. В темноте силуэт пятирожковой люстры казался зловещим чёрным пауком, застывшим над кроватью. Саша затаил дыхание. Скрип повторился, словно люстра качнулась под чьим-то весом. Саше стало душно, на лбу выступил холодный пот. Ему почудилось, что в темноте под потолком кто-то есть.

Он резко перевернулся на правый бок, лицом к стене, пытаясь отогнать дурные мысли и заставить себя уснуть.

В конце концов он провалился в тяжёлое, полузабытое забытьё.

Глава 2. Ночной кошмар

Саша проснулся от странного ощущения. Ему показалось, что в комнате стало очень холодно. Он повернулся на спину и замер.

Дождь за окном стих. Наступила абсолютная, звенящая тишина. Уличный фонарь светил прямо в окно, отбрасывая на стену длинные, уродливые тени от оконной рамы. И посреди этих теней стоял силуэт.

Кто-то стоял у самого окна, спиной к Саше. Мужчина был неестественно высоким — его голова почти касалась потолка. На нём был тот самый старинный кафтан, полы которого едва заметно шевелились, хотя в комнате не было сквозняка. Саша хотел закричать, но горло словно свело судорогой. Мышцы оцепенели, он не мог пошевелить даже пальцем от сковавшего его ужаса.

Странный прохожий медленно, с лёгким шорохом начал разворачиваться к кровати. Его движения были текучими и плавными. Саша в панике зажмурился, молясь, чтобы это поскорее закончилось. Вокруг отчётливо пахло сыростью, дождём и почему-то... пшеничной кашей из детства.

Когда Саша снова открыл глаза, в комнате уже брезжил серый, грязный рассвет. Возле окна никого не было. Люстра неподвижно висела на своём месте.

— Ну и приснилось...

Глава 3. Утро. Совещание. Звонок Лены

Утро началось не с будильника, а со сверлящей, тупой боли в висках, которая пульсировала в такт дождевым каплям, разбивавшимся о металлический отлив за окном. Саша лежал на спине, абсолютно неподвижно, уставившись в серый потолок. Прямо над его головой мирно, словно ничего не произошло, покачивалась старая пятирожковая люстра с хрустальными подвесками — безмолвный свидетель его ночного кошмара. За стеклом висела глухая, свинцовая хмарь, и комната тонула в грязно-серых, безжизненных сумерках, какие бывают только глубокой осенью. Времени было начало девятого. Тело казалось налитым жидким свинцом, каждая мышца ныла, будто Саша всю ночь не спал, а разгружал вагоны. Во рту стоял противный, сухой привкус железа, а сердце колотилось где-то в самом горле.

Ночной гость исчез, оставив после себя лишь липкий след холодного пота на смятых простынях и стойкое, почти осязаемое ощущение, что в квартире безвозвратно изменился воздух. Он всё ещё пах сыростью, принесённой с улицы, промёрзшим асфальтом и... этой проклятой пшеничной кашей. Этот чёртов запах детства, ассоциирующийся с бедностью и вечным голодом, словно вьёлся в обои, в обивку старого дивана, в самую кожу Саши. Ему стоило огромных усилий просто опустить ноги на холодный, потрескавшийся линолеум. Земное притяжение в это утро работало против него: едва он поднялся на ноги, как комната перед глазами опасно поплыла, покачнулась, а к горлу подступила резкая, спазматическая тошнота. Саша ухватился рукой за край комода, переводя дыхание и зажмуриваясь, пока серые пятна перед глазами не уступили место реальности.

В этот момент гробовую тишину маленькой однушки разорвал резкий, надрывный, дребезжащий треск домашнего телефона. Саша вздрогнул всем телом, едва не потеряв равновесие. Звук старого аппарата бил по натянутым, истончившимся нервам, как тяжёлый молот по наковальне. Звонок повторялся снова и снова — требовательно, безжалостно, не оставляя шанса спрятаться под одеялом. Саша, шлёпая босыми ногами по холодному полу, доковылял до тёмного коридора и со второй попытки снял тяжёлую пластмассовую трубку.

— Алло, Саша?! Ну ты где пропал, чёрт тебя дери?! — голос Лены в трубке буквально вибрировал от смеси паники, злости и подступающих слёз. — Я тебе на мобильный звоню уже раз пять, ты почему трубку не берёшь? Спишь, что ли? Ты вообще в своём уме?!

— Я... я встал уже, Лен, — хрипло, едва ворочая распухшим, сухим языком, выдавил Саша, прижимаясь лбом к холодной стене коридора.

— Саш, ты на часы вообще смотрел? Девятый час! Через сорок минут в конференц-зале соберутся акционеры, генеральный и эти волки из регионального филиала! Шеф уже рвёт и мечет, у него на столе третья чашка кофе остывает, он каждые пять минут спрашивает, где материалы. А вся наша презентация, все графики и отчёты — на твоём жёстком диске! Если ты не приедешь вовремя или, не дай бог, завалишь начало доклада, нас обоих вышвырнут на улицу без выходного пособия и с такой волчьей рекомендацией, что нас даже дворниками не возьмут, ты понимаешь это своим заторможенным мозгом?!

— Да... да, понимаю. Я уже выхожу. Скоро буду, — тихо, почти беззвучно ответил он.

На том конце провода Лена ещё что-то кричала, но Саша, не дожидаясь окончания её тирады, медленно опустил трубку на рычаг. Звук прекратился, оставив в ушах тонкий, свербящий зуммер.

На дисплее мобильного телефона, валявшегося на кровати, действительно светились пропущенные вызовы. Саша наспех прошёл в ванную, включил кран и плеснул в лицо пригоршню ледяной, отдающей ржавчиной воды. Он даже не стал смотреть на своё отражение в зеркале над раковиной — он и без этого знал, что увидит там мертвенно-бледную кожу, глубокие синяки под глазами и дикий, загнанный взгляд человека, теряющего рассудок. Он натянул

первую попавшуюся под руку помятую серую рубашку, застёгивая пуговицы через одну дрожащими пальцами, схватил потрёпанный кожаный портфель с распечатанными документами и буквально выскочил из квартиры, дважды повернув ключ в замочной скважине. Ему казалось, что если он задержится здесь ещё хоть на минуту, стены просто сомкнутся и раздавят его.

На улице во всей своей унылой, депрессивной красе показывалась осень. Ветер, дувший из-за угла хрущёвки, был пронизывающим и злым; он швырял в лицо пригоршни холодной, колючей водяной пыли, перемешанной с гнилыми жёлтыми листьями и обрывками каких-то старых газет. Под ногами хлюпала жидкая, глубокая чёрная грязь — вечная беда этого района, в которой по самые щиколотки взяли его единственные приличные туфли. Саша шёл к автобусной остановке, поглубже пряча подбородок в воротник лёгкого, совсем не греющего пальто, и параноя накрывала его с каждым сделанным шагом, словно тяжёлая бетонная плита.

Ему казалось, что все редкие прохожие в толпе — хмурые мужчины в безликих куртках, женщины с тяжёлыми сумками — смотрят исключительно на него. Каждый тёмный длинный силуэт впереди, каждое развевающееся на ветру полы пальто заставляли сердце Саши пропускать удар и проваливаться куда-то в пятки. Он постоянно, нервно оглядывался назад, спотыкаясь о колдобины, всматривался в мутные стёкла проезжающих мимо дребезжащих пазигов и старых, проржавевших иномарок. Он подсознательно искал взглядом то самое бледное лицо, те пустые, лишённые жизни и тепла глаза ночного гостя. Его не было. Но ощущение чужого, пристального взгляда между лопаток не исчезало, оно жгло кожу, заставляя Сашу ускорять шаг.

На остановке царил привычный утренний хаос. Когда подошёл нужный автобус — старый, прокопчённый Икарус с гремющей гармошкой — толпа буквально внесла Сашу внутрь через узкие двери. Он оказался зажат между чьей-то мокрой спиной в брезентовом плаще и тяжёлой женщиной в пуховике. В салоне стоял удушливый, тошнотворный запах мокрой шерсти, дешёвого табака, бензинового угара и утреннего перегара. Дышать было практически нечем. Саша с трудом повернул голову и прижался лбом к холодному, покрытому каплями изнутри и запотевшему стеклу. Он закрыл глаза, пытаясь унять крупную, заметную дрожь в пальцах, которая никак не проходила. Автобус тяжело взревел, мотор надрывно завыл, колёса попали в глубокую, скрытую под водой колдобину. Машину резко тряхнуло, грязный всплеск веером взлетел за окном, и этот глухой удар вместе с нарастающим гулом старого дизеля внезапно, словно мощный водоворот, утянул сознание Саши назад. В прошлое. В тот самый проклятый, серый и страшный 1994 год.

Это было точно такое же холодное, сырое утро поздней осени девяносто четвёртого. Маленький Саша сидел на ковре в большой комнате, пытаясь собрать из деталей старого советского конструктора хоть какую-то машинку, но пластмассовые колёса постоянно отваливались. Его старший брат Лёша, вопреки своим обычным шуткам, подначкам и весёлому, брызжущему энергией настроению, уже третий день не выходил во двор к друзьям. Он даже не включал телевизор. Лёша сидел на диване, скорчившись, бледный, с серым лицом и тёмными кругами вокруг глаз. Его пальцы безостановочно, с сухим шуршанием перебирали толстую пачку сине-зелёных бумажек — билетов компании МММ. Они больше не казались ему билетом в безбедное будущее, о котором он так восторженно орал ещё месяц назад. По старому «Горизонту» со сломанной кнопкой переключения каналов уже неделю без умолку крутили экстренные новости: крах финансовой пирамиды, штурм центрального офиса на Варшавском шоссе, арест Мавроди, обманутые вкладчики, плачущие у закрытых дверей. Лёша все деньги семьи туда ухнул. И не только свои.

Вдруг с улицы, из их тихого двора, раздался резкий, раскатистый и пугающий визг тормозов. Звук был тяжёлым, так тормозили только дорогие машины. Саша подполз к подоконнику, аккуратно отодвинул засаленную тюлевую занавеску и заглянул вниз. У самого подъезда, перекрывая проход, стояла хищная, блестящая чёрным лаком Беха — BMW пятой серии 34 модели, предел мечтаний любого бандита тех лет. Двигатель машины тихо, угрожающе урчал,

выпуская из выхлопной трубы клубы сизого дыма. Из салона неторопливо, вальяжно вышли трое мужчин. На них были тяжёлые, широкие кожаные куртки, из-под которых виднелись спортивные штаны Адидас, а поверх толстых свитеров покачивались массивные золотые цепи с крестами. Лица у них были словно высечены из серого гранита — каменные, лишённые каких-либо эмоций. Самый высокий из них, с коротко стриженным ёжиком волос и глубоким белесым шрамом, пересекающим левую щеку, смачно сплюнул на асфальт, поднял голову и кивнул на окна их квартиры.

— Лёш... Лёха... там эти пришли. Которые из чёрной машины. С цепями, — испуганно прошептал маленький Саша, оборачиваясь к брату.

Лёша в одно мгновение изменился в лице. Оно стало не просто бледным — оно приобрело цвет мокрого мела. Толстая пачка билетов МММ выскользнула из его резко ослабевших, задрожавших пальцев. Бумажки с портретом Мавроди веером рассыпались по старому советскому ковру, шурша под ногами.

— Саш... быстро. Спрячься. В шкаф лезь, живо! И не высовывайся, что бы ни услышал, понял меня?! Если пикнешь — убьют. Маме ни слова, слышишь?! — Лёша сорвался на сиплый шёпот, подлетел к брату, больно схватил его за худые плечи и буквально силой впихнул в старый платяной шкаф, стоявший в углу комнаты.

Дверца захлопнулась, погрузив Сашу в темноту, пахнущую нафталином и старыми мамиными вещами. Мальчик прижался глазом к узкой вертикальной щели, затаив дыхание.

Прошла едва ли минута, как в коридоре раздался страшный, громоподобный удар в деревянную входную дверь. Её не просто вежливо постучали — в неё били тяжёлыми армейскими ботинками с такой силой, что штукатурка сыпалась с потолка. Раздался оглушительный треск вылетающего замка, хлипкая деревянная коробка сдалась, и тяжёлые, уверенные шаги нескольких человек ворвались в прихожую, а затем и в комнату.

— Ну что, бизнесмен хренов? Заждался, наверное? По купонам пора платить, время вышло, — раздался хриплый, прокуренный до основания голос из центра комнаты.

Саша видел через щёлку, как Лёшу за шиворот втащили в зал. Один из бандитов, огромный, с бритым затылком, похожий на каменный шкаф, схватил брата за грудки куртки и лёгким движением буквально приподнял над полом, оторвав его ноги от ковра.

— Пожалуйста... дядь Вов, ну пожалуйста... Потерпите ещё немного. Я всё верну, до копейки! Акции... они поднимутся, это просто временные трудности из-за правительства, по телевизору эксперты говорили, Мавроди всё выплатит... — Лёша задыхался, его голос срывался на жалкий, детский плач, слёзы текли по его щекам, смывая грязь.

Удар в живот был коротким, профессиональным и страшным. Саша в шкафу даже услышал, как из лёгких брата с тихим свистом вылетел весь воздух. Лёша согнулся пополам, глухо застонал и рухнул на ковёр, прямо лицом на свои бесполезные глянцевые бумажки МММ. Бандит в кожанке, не торопясь, наступил тяжёлым протектором ботинка ему на пальцы правой руки, с силой надавливая и заставляя Лёшу закричать от невыносимой боли.

— Нам твои фантики цветные не нужны, паря. Ты у Михася реальные баксы брал, зелёные. Под честное слово и под процент. Нам плевать на твоего Мавроди, — старший со шрамом наклонился над Лёшей, взяв его за волосы и заставив поднять голову. — Короче так, коммерсант: даём тебе ровно неделю. Семь дней. Если через неделю всей суммы с процентами не будет здесь на столе... мы сначала твою квартиру сожжём на хрен вместе с твоей мамашей и мелким ублюдком, который у вас тут крутится. Понял меня? Нам два раза повторять не с руки.

Старший бандит выпрямился, огляделся по сторонам, и его взгляд упал на большую картонную коробку, стоявшую в углу. В ней лежала та самая новая пятарожковая люстра, которую отцу выдали вместо зарплаты на заводе и которую они с мамой так бережно хранили, всё собираясь повесить. Бандит с размаху пнул коробку тяжёлым носком сапога. Изнутри раздался отчётливый, жалобный хруст ломающегося дорогого стекла и тонких металлических рожков.

— Неделя, Лёха. Время пошло. Считай дни.

Они развернулись и ушли, громко, с треском хлопнув искалеченной входной дверью. Саша ещё очень долго, казалось, целую вечность, сидел в темноте шкафа, боясь даже вздохнуть, намертво зажав рот обеими руками, чтобы не разрыдаться от ужаса. Из комнаты доносились тихие, ломаные, страшные всхлипы его старшего брата, который ползал по полу и пытался собрать покалеченными пальцами разбитые детали люстры...

— Молодой человек! Вы выходите или нет?! Мужчина, очнитесь, вы мне проход загородили! — грубый, пронзительный голос кондукторши в синем фартуке бесцеремонно выдернул Сашу из бездны воспоминаний, возвращая в реальность.

Автобус уже стоял с открытыми дверями на нужной остановке, прямо напротив огромного, уродливого серого здания из стекла и бетона — бизнес-центра, где располагался их офис. Саша тяжело, прерывисто дышал, его лоб был абсолютно мокрым от холодного пота, а пальцы так сильно, до судороги сжимали ручку кожаного портфеля, что суставы побелели и онемели. В ушах всё ещё стоял тот хруст стекла из 1994 года.

Он буквально вывалился из душного салона автобуса на свежий воздух, едва не упав на колени прямо в придорожную грязь. Прошрое не просто возвращалось — оно материализовалось вокруг него, душило его, лишая возможности мыслить рационально. Воспоминания о долгах брата, о сломанной люстре и бандитах давили на его сознание свинцовым, неподъёмным грузом. Саша поднял руку и посмотрел на циферблат часов. Оставалось ровно десять минут до начала того кошмара, который его руководство пафосно именovalo стратегическим совещанием акционеров. Саша с трудом сглотнул горький комок, подступивший к горлу, вытер ладонью пот со лба и толкнул тяжёлую, холодную стеклянную дверь офисного здания, шагая навстречу своей неизбежной катастрофе.

Тяжёлая стеклянная дверь офисного здания захлопнулась за спиной Саши с глухим, солидным стуком, отсекая пронзительный осенний ветер. В вестибюле бизнес-центра пахло полиролью для паркета, дорогим табаком и мокрыми зонтами. Саша стоял у турникетов, пытаясь унять дрожь в коленях и судорожно сжимая ручку портфеля.

— Ну наконец-то! Живой! — из-за колонны пульей вылетела Лена.

Она выглядела взвинченной: каштановые волосы наспех собраны в пучок, на щеках горел лихорадочный румянец, а в руках она сжимала пластиковую папку-регистратор. Глаза Лены округлились, стоило ей взглянуть в лицо Саши. Она резко затормозила и осеклась.

— Господи, Сашка... На тебе же лица нет. Ты что, всю ночь пил? Или вагон разгружал? Бледный как мертвец.

— Всё нормально, Лен. Просто не выспался, — Саша попытался улыбнуться, но губы словно онемели и превратились в узкую нитку. — Наводнение на дорогах, автобус застрял. Презентация со мной, не переживай.

Лена с подозрением прищурилась, окинув его взглядом с ног до головы, задержавшись на помятом воротнике рубашки. Но времени на расспросы не оставалось. Она схватила его за локоть и потащила к лифтам.

— Ладно, разберёмся. Главное — диск при тебе. Акционеры уже в зале, шеф на взводе, но мы успеваем. Давай, собирай свои мысли в кучу. Нам нужно выдать максимум, иначе пиши пропало.

В лифте они ехали молча. Саша смотрел на мигающие цифры этажей, а в голове всё ещё стоял хруст ломающегося стекла из девяносто четвёртого года. Ему казалось, что если он сейчас закроет глаза, то снова окажется в том тёмном шкафу, пахнущем нафталином.

Удивительно, но как только Саша переступил порог конференц-зала, у него включился профессиональный автопилот. Видимо, организм, доведённый до крайнего стресса, мобилизовал последние ресурсы. Огромный овальный стол из тёмного дерева, пузатые мониторы ком-

пьютеров, приглушённый свет и строгие лица мужчин в дорогих костюмах — всё это действовало на него отрезвляюще.

Саша уверенно подключил свой жёсткий диск к проектору. Когда на белом экране загорелся первый слайд, его голос зазвучал ровно, чётко и даже властно. Он без единой запинки разложил графики, проанализировал убытки и представил стратегию развития региональных филиалов на следующий квартал. Лена, сидевшая чуть в стороне, удивлённо приподняла брови и облегчённо выдохнула. Генеральный директор довольно кивал, делая пометки в своём блокноте. Саша говорил около получаса, отвечая на каверзные вопросы инвесторов так, словно всю жизнь только этим и занимался. Никто в зале даже близко не мог предположить, что внутри этого собранного 23-летнего парня прямо сейчас выжжена пустыня, а перед глазами до сих пор пляшут ночные тени.

Когда совещание объявили закрытым и начальники, переговариваясь, стали покидать зал, шеф подошёл к Саше и крепко пожал ему руку:

— Отличная работа, Александр. Спасли положение. Свободны до понедельника. Завтра для вас с Леной выходной.

Как только дверь за последним акционером закрылась, Саша бессильно опустился на стул. По лбу снова покатился холодный пот.

— Ну ты даёшь, — выдохнула Лена, подходя к нему и шумно бросая папку на стол. — Минуту назад выглядел как восставший из ада, а доложил на миллион долларов. У меня аж поджилки тряслись. Пошли отсюда, Саш. Нам срочно нужен кофе. Я угощаю, тут за углом открылась отличная кофейня. Тебе надо прийти в себя.

Саша согласно кивнул. Сил спорить не было.

Они вышли на улицу. Дождь почти прекратился, сменившись унылой, висящей в воздухе водяной изморосью. Маленькое кафе встретило их мягким светом жёлтых ламп, запахом свежемолотой арабики, ванили и корицы. Они устроились на мягком кожаном диванчике у самого окна — огромного, панорамного, выходящего на оживлённый перекрёсток. На столе появились две большие чашки дымящегося капучино.

Лена сделала глоток, откинулась на спинку и внимательно посмотрела на друга.

— А теперь выкладывай, Саня. Что с тобой происходит? Ты заходишь в офис, и тебя буквально колотит. Я же вижу, что дело не в презентации.

Саша долго крутил в руках тёплую чашку, глядя, как в коричневой пенке растворяются крупинки сахара. Ему отчаянно хотелось выговориться, сбросить этот груз хоть на кого-то, потому что молчать больше не было сил.

— Лен... мне кажется, меня кто-то преследует, — тихо начал он, не поднимая глаз. — Помнишь, вчера, когда мы вышли из офиса, ты позвонила мне вечером? Перед этим, прямо на подоконнике, я увидел человека на улице. Он выделялся из толпы. На нём было какое-то старинное пальто, длинное, расшитое тёмными нитями. Словно из восемнадцатого века.

— Из восемнадцатого? — Лена удивлённо приподняла бровь, но перебивать не стала.

— Да. И у него... у него ужасный взгляд. Пустой, мёртвый, тяжёлый. Он остановился в толпе и посмотрел прямо в моё окно. На шестой этаж. Меня будто током прошило. А ночью... — Саша сглотнул, почувствовав, как к горлу снова подступает тошнота.

— Ночью я проснулся от холода. Открываю глаза, а он стоит у моего окна. Внутри комнаты. Высоченный, головой почти потолок задевает. Движения плавные, будто веса вообще не имеет, как гелием накачанный. Я пошевелиться не мог, закричать не мог. И в воздухе... пахло пшеничной кашей. Понимаешь? Это бред какой-то.

Лена слушала его, не мигая. Её лицо постепенно становилось всё более серьёзным и сочувствующим. Она протянула руку через стол и мягко коснулась его дрожащих пальцев.

— Саш... Ты просто переутомился. Этот отчёт нас всех вымотал. Ты просто увидел странного человека, который решил посмотреть в небо, и из-за стресса и того, что человек был

странно одет, тебе просто приснился кошмар. Знаешь, бывает такой сонный паралич, когда кажется, что в комнате кто-то есть, а ты не можешь двигаться. Мозг просыпается раньше тела. А каша... Ну, может, соседи готовили, вот тебе через вентиляцию и надуло, а подсознание выдало картинку. Тебе нужно просто выспаться, нам как раз выходной дали, до понедельника отдыхай.

Саша слушал её логичные, правильные доводы, и на секунду ему действительно захотелось поверить. Захотелось улыбнуться, сделать глоток кофе и сказать: «Да, Лен, ты права, какая глупость».

Он поднял глаза, собираясь ответить, и его взгляд непроизвольно скользнул мимо лица Лены — туда, за панорамное стекло кофейни.

На противоположной стороне улицы, прямо под мигающей неоновой вывеской закрытого аптечного киоска, среди спешащих людей в серых куртках, неподвижно стоял силуэт.

Высокий мужчина. Гораздо выше любого из прохожих. На нём было то самое тёмное старинное пальто с тяжёлыми лапами, которые даже не шевелились от порывов ветра. Его бледное, словно вылепленное из воска лицо было повернуто ровно в сторону кафе. И сквозь мутное от капель стекло кофейни, сквозь пелену осенней измороси, Саша отчётливо, до мельчайших подробностей разглядел его глаза. Тяжёлые, пустые, немигающие провалы, которые смотрели прямо на него. Мужчина медленно, неестественно плавно поднял руку и указал длинным худым пальцем прямо на Сашу.

Чашка в руках Саши дрогнула. Горячий капучино выплеснулся на стол, заливая белую скатерть коричневой лужей, но Саша этого даже не заметил. Он сидел, оцепенев, и весь воздух разом вылетел из его лёгких.

— Посмотри... Лен, повернись, господи, да повернись же ты! — голос Саши сорвался на сиплый, едва различимый шёпот, который тут же перерос в удушливый клёкот.

Он судорожно ткнул пальцем в сторону залитого каплями панорамного окна. Его рука ходила ходуном, а лицо в одно мгновение потеряло всякие краски, став землисто-серым. Окружающий мир для Саши сузился до размеров этой стеклянной витрины и неподвижного силуэта на той стороне улицы.

Лена, испуганная его внезапной метаморфозой, резко обернулась, едва не задев плечом пронесившегося мимо официанта. Её взгляд прошёлся по мокрому перекрёстку, скользнул по вывеске аптечного киоска, застрял на бегущих людях, укрывающихся от измороси под зонтиками, и вернулся обратно в кафе.

Там никого не было. Под мигающим неоном аптеки одиноко стоял лишь пустой мусорный бак, да ветер гонял по асфальту клочок какой-то старой обёртки. Высокий мужчина в пальто исчез так же неестественно быстро, словно растворился в сером воздухе за те две секунды, что Лена поворачивала голову.

— Саш... да где? — Лена снова повернулась к нему, нахмурившись. — Там нет никого. Обычная улица. Ты точно...

Она не договорила, потому что Саша её уже не слышал. Он продолжал неотрывно смотреть в одну точку, тяжело и шумно дыша через рот, как человек, которому критически не хватает кислорода. В его расширенных зрачках застыл такой первобытный, животный ужас, что Лене на мгновение самой стало не по себе.

Но куда хуже было то, что их столик стремительно превращался в центр всеобщего внимания. Сашина чашка, опрокинутая в порыве паники, продолжала медленно сочиться коричневой лужицей капучино, которая уже доползла до края стола и теперь тяжёлыми, грязными каплями глухо падала на светлый ламинат. Шорох и суета, которые они умудрились устроить за эти полминуты, заставили маленькое уютное кафе замолчать.

Пожилая пара за соседним столом брезгливо отодвинула свои тарелки с десертом, неодобрительно поглядывая на бледного, трясущегося парня. Девушка у кассы прекратила

щебетать по телефону и с явным подозрением уставилась на Сашу, аккуратно пододвигая к себе поближе стационарную трубку. Из глубины зала, от барной стойки, уже медленно и уверенно направлялся администратор в строгом тёмном жилете, на ходу поправляя бэйджик. На его лице читалось стандартное вежливое, но непреклонное намерение выставить неадекватных посетителей за дверь.

Тишина кофейни, нарушаемая только тихим джазом из динамиков и мерным шлёпком кофейных капель на пол, давила на уши. Этот внезапный позор, липкий и осязаемый, подействовал на Лену как ушат ледяной воды.

— Так, вставай. Быстро, — зашипела она, резко подавшись вперёд через стол и мёртвой хваткой вцепляясь в рукав Сашиного пальто. — Саша, очнись! На нас все смотрят. Пошли отсюда, живо!

Она буквально силой выдернула его из-за стола. Саша поднялся послушно, словно тряпичная кукла, едва не задев коленом ножку стула, отчего тот с противным, режущим слух скрипом отъехал назад. Этот звук заставил обернуться даже поваров на открытой кухне.

Лена, сгорая от стыда и чувствуя, как у неё горят уши под косыми взглядами, потащила его к выходу. Они буквально вывалились сквозь распашную дверь кафе на улицу, и тяжёлый, сырой воздух нулевых сразу ударил им в лица. Осенняя изморось мгновенно осела на волосах мелкими каплями.

Лена отпустила его руку только тогда, когда они отошли от кофейни на добрый десяток метров, спрятавшись за углом серого кирпичного здания. Её всю трясло от пережитого унижения и злости.

— Что это было, Саша?! — резко повернулась она к нему, тяжело дыша и прижимая папку к груди, словно щит. — Ты хоть понимаешь, как это выглядело со стороны? Ты устроил истерику на ровном месте! Там никого не было, понимаешь ты?! Ни-ко-го! Ты бредишь наяву!

Саша стоял, прислонившись спиной к холодной, шершавой стене дома. Воротник его лёгкого пальто быстро темнел от влаги. Он смотрел на свои туфли, утопающие в жидкой придорожной грязи, и молчал. Он знал, что Лена права. Он знал, что с точки зрения любого нормального человека на той стороне улицы никого не могло быть. Но этот длинный, худой, мёртвый палец, указавший прямо на него сквозь пелену дождя... Саша физически чувствовал, как этот жест всё ещё жжёт ему грудь.

Кошмар больше не ждал ночи в его однушке. Он пришёл за ним в реальный мир, при свете дня, разрушая его жизнь на глазах у единственного близкого человека. Саша видел, как дрожат её губы, и это зрелище причиняло ему почти физическую боль. Чувство вины и жгучего стыда за свой необъяснимый срыв хлынуло внутрь, временно заглушая тот леденящий ужас, который он только что испытал.

— Лен... Прости меня. Господи, Лен, извини, пожалуйста, — его голос звучал жалко, надломленно и тихо. Саша сделал шаг вперёд, протягивая к ней руки, но тут же нерешительно опустил их. — Я не хотел. Я правда не хотел устраивать этот цирк. Мне так неловко перед тобой, ты даже представить себе не можешь. Ты устроила такой праздник, мы так здорово защитили проект, а я... я всё испортил.

Лена молчала, сердито глядя на него из-под намокшей чёлки. Но гнев в её глазах постепенно уступал место глубокой, искренней тревоге. Она видела, что Сашу буквально трясёт.

— Но я видел его, Лен, — тихо, но с пугающей убеждёностью добавил он, умоляюще заглядывая ей в лицо. — Клянусь тебе, я не выжил из ума. Он стоял там, под вывеской аптеки. Прямо напротив нашего окна. Тот самый высокий мужчина в пальто. Он... он поднял руку и указал пальцем прямо на меня. Сквозь стекло. Я не мог это выдумать, Лен. Я видел каждую пуговицу на его одежде, видел его мёртвые глаза...

Лена глубоко вздохнула. Злость окончательно улетучилась, оставив лишь гнетущую жалость к другу. Она сделала шаг навстречу, сокращая дистанцию, и уверенно, мягко взяла его

за холодные, подрагивающие ладони. Её пальцы были тёплыми, и это прикосновение немного заземлило Сашу.

— Так, Сашка, послушай меня внимательно, — её голос зазвучал тихо, убаюкивающе и очень надёжно. — Успокойся. Сделай глубокий вдох. Вот так, молодец. Никто не считает тебя сумасшедшим. Но ты должен понять: на улице никого не было. Я повернулась мгновенно, там пустой тротуар. Ты просто доведён до ручки. Понимаешь? Этот чёртов отчёт, бесконечные бессонные ночи, литры кофе. Твоя нервная система просто сдала. Мозг из-за дикого переутомления сыграл с тобой злую шутку. Такое бывает, это называется оптической иллюзией или сильной панической атакой. Тень от вывески, высокий прохожий в длинном плаще, который вовремя повернул за угол — и твоё усталое сознание дорисовало кошмар. Всё хорошо. Ты в безопасности. Я рядом.

Саша смотрел в её чистые, полные сочувствия глаза и слушал этот ровный, логичный голос. Ему до боли, до крика хотелось поверить ей. Хотелось ухватиться за эту спасительную соломинку нормальности, которую она ему протягивала.

— Да... — Саша заставил себя сделать глубокий выдох, чувствуя, как мышцы лица немного расслабляются. Он выдавил из себя слабую, виноватую улыбку. — Да, наверное, ты права. Иллюзия. Просто глупая тень. Из-за дождя стёкла совсем мутные были. Прости, что напугал тебя. Я... я уже успокоился. Всё хорошо, правда. Мне уже гораздо лучше.

Он действительно говорил это ровно, его дыхание выровнялось, а тремор в руках почти затих. Лена облегчённо улыбнулась в ответ и слегка сжала его ладони.

Но на самом деле внутри Саши ничего не успокоилось. Глубоко под коркой сознания, в самой тёмной глубине его существа, продолжал нарастать леденящий, парализующий ужас. Саша лгал. Лгал ей и самому себе. Он слишком отчётливо помнил этот длинный, худой, обтянутый желтоватой кожей палец, направленный на него. Помнил этот пустой, немигающий взгляд, пробивший его насквозь. Никакая тень не могла смотреть с такой осмысленной, тяжёлой ненавистью. Кошмар был реален, и он затягивал петлю на его шее всё туже. Но Саша понимал: если он сейчас не притворится нормальным, Лена вызовет скорую прямо сюда, к углу этого серого дома. А возвращаться в ту суету и позор кофейни было выше его сил.

— Знаешь что... — Саша поправил портфель на плече и поглубже вдохнул сырой осенний воздух, стараясь, чтобы его голос звучал как можно более буднично. — Давай не будем возвращаться домой прямо сейчас. Погода, конечно, паршивая, но дождь почти утих. Давай просто прогуляемся? Пройдёмся по бульвару, дойдём до парка. Мне нужно немного проветрить голову, подышать. Да и кофе этот... надо его выходить. Ты как, не против?

Лена внимательно вглядывалась в его лицо, пытаясь уловить признаки фальши, но Саша держался стойко. Его натренированная за годы скрытность сейчас работала на максимум.

— Ну ладно, — наконец мягко согласилась она, поправляя свой плащ. — Прогуляться — это хорошая идея. Свежий воздух тебе точно не повредит. Пошли. Только чур больше никаких старинных пальто, договорились?

— Договорились, — эхом отозвался Саша.

Они медленно пошли вдоль серого кирпичного здания в сторону бульвара. Лена что-то тихо рассказывала, пытаясь отвлечь его, а Саша шёл рядом, послушно кивал и даже поддакивал в нужных местах. Но его взгляд, вопреки всем обещаниям, неотрывно, с тайной паникой продолжал сканировать противоположную сторону улицы, каждую подворотню и каждую тёмную арку, мимо которой они проходили. Он знал: тот человек где-то здесь. И он ждёт

Глава 4. Прогулка по бульвару. Сближение

Их шаги гулко отдавались от серых стен кирпичных пятиэтажек. Лена шла чуть впереди, размахивая своей пластиковой папкой, словно дирижёрской палочкой, а Саша послушно следовал за ней, увязая взглядом в её силуэте. Ему казалось, что если он оторвёт от неё глаза, то реальность вокруг снова начнёт ломаться, трещать по швам и тот мужчина его настигнет.

Пройдя мимо полузакрытого продовольственного ларька, у которого тускло горела одинокая лампочка, они наконец свернули за угол и вышли к началу старого городского бульвара.

Бульвар встретил их глубокой, величественной тишиной, редкими каплями затихающего дождя и густым шуршанием палой листвы под ногами. Поначалу разговор не клеился: Саша всё ещё чувствовал себя виноватым за позор в кофейне, его плечи были напряжены, а Лена то и дело бросала на него короткие, оценивающие взгляды, словно проверяя, не начнётся ли у него новый приступ. Но время и свежий, пронзительный осенний воздух нулевых делали своё дело. Постепенно липкий страх, сковавший тело Саши, начал немного отступать — по крайней мере, внешне.

Они не просто мерили шагами мокрые аллеи, спасаясь от навязчивых мыслей. Осенний бульвар в тот день превратился для них в огромную съёмочную площадку, где они сами придумывали правила игры. Лена, заметив у фонтана с чугунными чашами старого уличного фотографа, который кутался в потёртый ватник и грел руки о термос, тут же загорелась безумной идеей. Она буквально притащила упирающегося Сашу к громоздкому штативу. Мужчина долго настраивал свой старенький «Зенит», пока Лена строила смешные рожицы, а Саша неловко приобнимал её за плечи, стараясь казаться беззаботным. Вспышка ослепила их, оставив на сетчатке глаза плывущие зелёные пятна, и фотограф пообещал, что карточка будет готова через неделю.

Позже, укрываясь от свежего порыва ветра за кирпичной будкой старой трансформаторной подстанции, они наткнулись на заброшенную танцплощадку. В нулевые такие места часто пустовали, превращаясь в прибежище для опавшей листвы. Лена заставила Сашу вытащить из кармана его новенькую серебристую «Нокию». На крошечном монохромном экране он отыскал единственную полифоническую мелодию, которая отдалённо напоминала медленный танец. Под этот пищащий, электронный и прерывистый мотив, эхом разлетающийся по пустынному парку, они начали неуклюже кружиться. Саша наступал Лене на носки ботинок, она негромко вскрикивала, смеялась и прятала лицо у него на груди. Они дурачились, соревновались, кто дальше забросит каштан в темноту пруда, и даже пытались наперерез друг другу перепрыгивать через широкие лужи на асфальте.

В какой-то момент Лена нашла на лавке оброненный кем-то кусок мела и принялась раскрашивать серую асфальтовую дорожку, выводя огромными буквами: «ПРОЕКТ СДАН!». Саша, поддавшись её заразительному азарту, опустил рядом и начал дорисовывать к буквам шуточные рожицы их строгих начальников. Руки быстро замёрзли, мел крошился и пачкал пальцы, но это физическое действие, это простое ребячество заставляло Сашу чувствовать себя живым. Каждая секунда этой суеты, наполненной смехом и запахом мокрого мела, выстраивала вокруг него глухую стену, сквозь которую Высокий Человек из его кошмаров пока не мог пробиться.

Часы тянулись незаметно, и вечер плавно перетёк в глубокую, сырую ночь. На бульваре зажглись редкие старые фонари, отбрасывая длинные, дрожащие блики на зеркальный от влаги асфальт. Город вокруг них окончательно затих, суета нулевых улеглась, уступая место уютной темноте. Они и сами не заметили, как исходили бульвар вдоль и поперёк, намотав несколько километров. Ноги приятно гудели от усталости, а изо рта при разговоре уже вырывался лёгкий белый пар — дело явно шло к первым ночным заморозкам. Они вспоминали студенческие

годы, свои первые глупые ошибки на работе, делились мечтами о том, как купят по машине, когда компания выйдет на новый уровень. Лена много шутила, дурачилась, наступая на самые большие кучи листьев, чтобы они громко хрустели, и Саша ловил себя на ощущении, что этот человек — его единственный трос, удерживающий над пропастью.

— Слушай, Сашка, — Лена остановилась под раскидистым деревом и смешно потёрла замёрзший нос ладонью в шерстяной перчатке. — Мы с тобой, конечно, герои. Прошагали полгорода, выветрили всю рабочую чушь из головы. Но тебе не кажется, что мы заслужили нормальный праздник? Мы этот проект три месяца из зубов вырывали, шеф сегодня чуть ли не обнимал нас. Давай бросим эту унылую осеннюю депрессию и нормально отметим победу?

Саша посмотрел на её раздумывавшееся от холода лицо, на блестящие глаза и понял, что меньше всего на свете хочет сейчас возвращаться в свою пустую, холодную однушку, где пахнет сыростью и пшеничной крупой.

— А давай, — с лёгким сердцем согласился он, чувствуя, как внутри расправляются лёгкие. — Отметим так, чтобы в понедельник шеф по нашему виду понял: премию мы отработали честно и с размахом.

В круглосуточном магазинчике на углу бульвара, где приятно пахло свежим хлебом и недорогим алкоголем, они купили пару бутылок красного полусладкого вина и плитку пористого шоколада. Продавщица в синем накрахмаленном фартуке устало, но по-доброму улыбнулась им, заворачивая бутылки в шуршащий тёмный пакет.

Выйдя на деревянное крыльцо магазина, Саша перехватил пакет и, стараясь, чтобы его голос звучал как можно непринуждённое, повернулся к Лене:

— Ну что, Ленка... Поехали ко мне? У меня, конечно, не хоромы, но подоконник широкий, вид на ночной город отличный, вино пить самое то. Да и ехать тут на трамвае всего три остановки, как раз успеем на последний рейс.

Лена остановилась на нижней ступеньке, закинув голову и глядя на него с лёгкой, лукавой усмешкой. Она картинно прищурилась, поправила сползающий набок вязаный шарф и шутливо ткнула его кулаком в плечо.

— К тебе? Ну уж нет, Александр, спасибо! Знаю я твои три остановки. К тому же в твоей таинственной однушке на шестом этаже тебе опять в темноте какой-нибудь кавалер в старинном пальто померещится из окна, и ты меня посреди ночи заставишь с ним воевать. Или, чего доброго, вино на меня опрокинешь, как кофе в кофейне. Нет уж, уволь. Моя нервная система этого сегодня точно не выдержит.

Она весело рассмеялась, и этот искренний смех полностью снял остатки неловкости. Саша тоже хмыкнул, хотя где-то глубоко внутри у него на секунду болезненно кольнуло — напоминание о Высоком Человеке никуда не исчезло, оно просто затаилось, придавленное теплом этого вечера.

— Ладно-ладно, признаю, аргумент железный, — поднял свободную руку Саша, сдаваясь под натиском её логики. — И куда тогда? Будем пить прямо на остановке, пугая редких милиционеров?

— Зачем на остановке? — Лена победно вскинула подбородок и весело звякнула ключами в кармане плаща. — Моя квартира в пяти минутах ходьбы отсюда, буквально за следующим кварталом. У меня тепло, есть нормальные бокалы, а главное — никаких призраков прошлого, подозрительных мужчин под окнами и страшных сказок. Так что маршрут перестраивается. Шагом марш ко мне, пока вино не превратилось в лёд!

Они весело двинулись по тёмному, усыпанному листьями переулку. Саша шёл рядом с ней, слушал её без умолку журчащий голос и чувствовал себя почти счастливым. Ему казалось, что этот вечер у Лены дома станет его спасением, надёжным щитом, который навсегда отгородит его от липкого ночного кошмара. Он ещё не знал, что от своего безумия невозможно

убежать в чужую квартиру, даже если там горит мягкий свет, пахнет уютом и приготовлены чистые бокалы для вина.

От магазина до её дома они шли очень быстро, подгоняемые ледяным ночным ветром и хмельным предвкушением праздника. Саша нёс в руке пакет с бутылками, которые весело и звонко звякали при каждом шаге, задавая темп их ходьбе. Лена то и дело подхватывала его под руку, пряча лицо в пушистый воротник своего плаща и продолжая без умолку болтать. Она со смехом рассуждала о том, что если генеральный директор сдержит обещание и выплатит им двойной бонус, то она первым же делом купит себе ту самую кожаную куртку на вещевом рынке, которую заметила ещё в прошлом месяце, а остаток отложит на подержанную «девятку». Саша слушал её, вставлял свои едкие замечания про качество турецкой кожи и чувствовал, как затяжная, удушливая паранойя последних дней окончательно растворяется в этой беззаботной ночной суете нулевых.

Они свернули во двор добротной кирпичной сталинки. Этот район сильно отличался от Сашиной окраины с её серыми панельными хрущёвками — здесь росли вековые раскидистые тополя, а дома казались массивными крепостями. Лена уверенно подошла к тяжёлой металлической двери подъезда, звякнула связкой ключей и приложила круглый магнитный чип к серой коробочке домофона. Дверь открылась с натужным писком.

Они начали подниматься по широкой раструбистой лестнице. В подъезде пахло старыми книгами, сухими цветами и теплом. На третьем этаже, прямо между пролётами, Саша, увлечшись очередным рассказом Лены про её строгую тётю из Краснодара, совершенно перестал смотреть под ноги. Носок его правого туфля зацепился за выщербленный край бетонной ступени.

Портфель полетел в одну сторону, пакет с вином опасно качнулся в другой, а сам Саша с нелепым взмахом рук завалился вперёд. В последний момент он успел выставить левое колено и ухватиться за кованые перила, чудом удержав равновесие и не пропахав носом лестничную площадку. Бутылки в пакете оглушительно звякнули, но, к счастью, уцелели.

Лена, шедшая чуть впереди, резко обернулась на этот грохот и замерла. Секунду она смотрела на застывшего в нелепой позе Сашу, а затем подъезд взорвался её звонким, залившимся смехом, который эхом покатился по всем этажам. Она согнулась пополам, закрывая лицо ладонями в пушистых перчатках.

— Господи, Сашка! — сквозь слёзы выдавила она, пытаясь перевести дыхание. — Ты... ты бы себя видел! Словно пингвин на льду! Я же говорила, что вино до добра не доведёт, а мы его даже не открыли! Спаситель презентаций, блин. Цел? Бутылки живы?

— Живы, живы... — проворчал Саша, поднимая с полу свой кожаный портфель и потирая ушибленное колено, хотя сам уже не мог сдержать глупой улыбки. — Это всё твоя сталинская архитектура. Слишком крутые ступени для простых смертных.

Лена, всё ещё продолжая тихонько хихикать и подтрунивать над его грацией, поднялась на четвёртый этаж и остановилась перед массивной дубовой дверью. Она дважды повернула ключ в сложном замке, и дверь плавно, без единого скрипа, отворилась внутрь.

Глава 5. Квартира Лены. Откровенный разговор

Когда Саша переступил порог, он невольно затаил дыхание. Квартира Лены была просто шикарной. После его тесной, сиротливой однушки, где из мебели были только продавленный диван, подоконник да стол, это место казалось настоящим дворцом. Просторная двухкомнатная квартира встретила их безупречным паркетом, который мягко поблёскивал в свете уличных фонарей, высокими трёхметровыми потолками с изящной лепниной по краям и широким длинным коридором. На стенах висели аккуратные картины в тонких рамах, а у стены стоял огромный зеркальный шкаф-купе — писк моды начала двухтысячных. Здесь не было и следа той давящей, сырой атмосферы, которая преследовала Сашу дома. Здесь пахло уютом, дорогой чистотой и едва уловимым ароматом духов Лены.

— Ну, добро пожаловать в мои скромные пенаты, — улыбнулась Лена, скидывая туфли и вешая плащ на плечики. — Проходи, не стесняйся. Тапочки вон в углу, если хочешь. И топай сразу на кухню, я сейчас подойду.

Саша аккуратно разулся и прошёл по коридору направо. Кухня оказалась под стать всей квартире — большая, квадратная, с огромным панорамным окном и гарнитуром приятного фисташкового цвета. Посреди комнаты стоял круглый деревянный стол, накрытый светлой скатертью. Саша поставил пакет на стол, вытащил обе бутылки тёмно-красного вина и плитку шоколада.

Через минуту вошла Лена. Она уже успела переодеться в свободный домашний свитер крупной вязки, который делал её ещё более хрупкой и домашней. В руках она держала два высоких, тонких хрустальных бокала и металлический штопор.

— Так, кавалер, — она с улыбкой пододвинула к нему бутылку и инструмент. — Сила у нас сегодня ты, так что открывай. А я пока сделаю какую-нибудь нехитрую закуску.

Саша взял прохладную бутылку, вонзил спираль штопора в податливую пробку и с коротким, сочным хлопком вытянул её наружу. По кухне тут же разлился густой, терпкий аромат винограда и тепла. На секунду Саша поймал себя на мысли, что кошмар действительно отступил. В этой светлой, шикарной квартире, рядом с улыбающейся Леной, Высокому Человеку просто не было места. Рубиновая струя с густым, тягучим журчанием наполнила хрустальные бокалы почти до краёв. Саша аккуратно поставил бутылку на светлую скатерть, стараясь не пролить ни капли, и протянул один бокал Лене. В тёплом свете кухонной люстры вино казалось почти чёрным, живым. Лена приняла хрусталь, коснувшись его пальцев своими — тёплыми, сухими, совсем не такими, как у того человека. Они тихо звякнули бокалами, и этот чистый, долгий звук растаял в высоких сталинских потолках.

— Ну, за то, что мы выжили, Сашка, — Лена сделала приличный глоток, зажмурилась от удовольствия и блаженно опустила на стул, поджав под себя одну ногу. — Ух, терпкое. Хорошо-то как. Слушай, я только сейчас поняла, как у меня гудят ноги после нашей марш-броска по бульвару.

Саша тоже пригубил вино. Оно приятно обожгло горло, разливаясь по телу ленивым теплом. Напряжение в спине, державшее его весь день, наконец-то начало понемногу отпускать. Он оперся локтями о стол и внимательно посмотрел на девушку. В этом объёмном домашнем свитере, без строгой офисной юбки и папок, она казалась совсем другой — настоящей, беззащитной и очень уютной.

— Лен, — негромко начал он, разглядывая блики света в своём бокале. — Вот мы работаем вместе уже полтора года, за соседними столами сидим, а я о тебе почти ничего не знаю. Ну, кроме того, что ты ненавидишь растворимый кофе и можешь переспорить начальника отдела кадров. Ты ведь местная, да? В этой квартире выросла?

Лена мягко улыбнулась, крутя бокал за тонкую ножку. В её глазах промелькнула лёгкая, светлая грусть, какая бывает, когда человек оборачивается назад, в далёкое прошлое.

— Местная, — кивнула она, переводя взгляд на панорамное окно, за которым в темноте угадывались силуэты старых тополей. — Эта квартира вообще дедушкина. Он у меня инженером знатным был, мосты строил, вот в пятидесятых и получил ордер на эту сталинку. Я здесь родилась, считай. Моё детство — это вот этот самый двор, огромная песочница и вечные синяки на коленках. Знаешь, я ведь была жуткой пацанкой. Мама всё пыталась из меня балерину сделать, платица с рюшами покупала, банты эти капроновые вязала... А я их ненавидела. Стоило ей отвернуться, как я уже на вершине вон того тополя с мальчишками гнёзда ворон считаю. Мама плакала, отец смеялся, а дед говорил: «Ничего, характер у девки есть, не пропадёт».

Она сделала ещё один глоток, и на её щеках проступил едва заметный розовый румянец. Вино определённо шло ей на пользу, стирая дневную усталость.

— А потом начались девяностые, — Лена вздохнула, и её голос стал чуть тише. — Мне как раз лет двенадцать исполнилось. Подростковый период — это вообще отдельная песня, врагу не пожелаешь. Дедушка умер, родителям перестали платить зарплату на заводе. Наступили времена, когда мы месяцами ели одну картошку с огорода, которую у тётки в деревне копали. Помню, как в школе все девчонки резко начали мериться шмотками. Появились эти польские журналы, капоры цветные, джинсы-варёнки... А у меня ничего этого не было. Я донашивала старую куртку старшего двоюродного брата — огромную, коричневую, в которой выглядела как бесформенный мешок. Меня в классе из-за этого жутко травили. Знаешь, как больно в четырнадцать лет, когда с тобой мальчишки не хотят танцевать на дискотеке просто потому, что у тебя туфли «Прощай, молодость» и нет денег на импортную косметику?

Саша слушал её, не перебивая. Каждое её слово находило в его душе странный, болезненный отклик. Оказывается, за этой бронёй уверенной в себе, пробивной карьеристки скрывалась точно такая же травмированная девочка из нищих девяностых, как и он сам. Только он замкнулся в себе, а она выбрала другой путь — сражаться.

— И что ты сделала? — тихо спросил Саша, ломая плитку пористого шоколада на аккуратные квадратики.

— А я разозлилась, Саш, — Лена упрямо вскинула подбородок, и в её глазах на секунду блеснул тот самый офисный огонь, который он так хорошо знал. — Поплакала в подушку пару ночей, а потом поняла: если я сама себе жизнь не устрою, никто за меня этого не сделает. В пятнадцать лет я пошла работать. Летом листовки на остановках раздавала, зимой в палатке у метро пирожками торговала — руки примерзали к ящикам так, что кожа слезала. Зато в десятом классе я сама, на свои собственные, заработанные деньги купила себе первые фирменные джинсы. Пришла в них в школу, села за парту и так посмотрела на наших классных королей, что они ко мне больше за версту не подходили. Тогда-то я и поняла: зубы надо показывать сразу.

Она взяла кусочек шоколада, отправила его в рот и довольно зажмурилась.

— Ну а дальше — институт, вечернее отделение. Днём работа, ночью зубрёжка. Когда наш шеф только открывал эту фирму, полтора года назад, ему нужен был человек, который не побоится разгрести тонны старых документов и мотаться по налоговым в любые морозы. Объявление в газете нашла. Пришла на собеседование в своём единственном строгом костюме, который у подруги выпросила. Шеф посмотрел на меня, поспрашивал про законы и говорит: «Ты молодая слишком, не справишься, тут волки сидят». А я ему прямо в глаза: «Если не справлюсь за две недели — уволюсь сама и денег не возьму. Но я справлюсь». Он посмеялся, но взял. И вот, видишь, теперь я здесь. Сажу в дедовской квартире, пью хорошее вино с лучшим аналитиком нашей конторы и чувствую, что всё это было не зря.

Лена весело рассмеялась, её смех заполнил просторную кухню, разбиваясь о фисташковые фасады гарнитура. Она посмотрела на Сашу с какой-то особенной, тёплой нежностью.

— Вот такая я историческая личность, Сашка. Из пацанки на тополе — в старшие менеджеры. А ты сидел и думал, что я с золотой ложкой во рту родилась? Теперь твоя очередь. Рассказывай, откуда у тебя этот вечный взгляд побитого волка и почему ты так реагируешь на тени за окном?

Саша замер с бокалом у самых губ. Вопрос Лены повис в воздухе, тяжёлый и прямой. Тепло кухни вдруг показалось ему удушливым, а рубиновое вино в хрустале — похожим на затекшуюся кровь.

Прямой вопрос Лены словно сорвал хлипкую заслонку, которую он так старательно выстраивал весь этот вечер. Тепло фисташковой кухни мгновенно показалось ему душным, а аромат вина — приторным, отдающим железом.

— Да ладно тебе, Лен, — Саша попытался выдать беззаботную усмешку, но голос подвёл, прозвучав глухо и натянуто. Он судорожно завертел бокал в пальцах. — Моя история скучная. Родился, учился, пришёл в контору. Никаких тополей, никаких джинсов, выгрызенных зубами. Самая обычная серая жизнь. Давай лучше ещё по одной? За твоего деда-инженера. Хороший был мужик, судя по всему.

Лена не шелохнулась. Она медленно опустила свой бокал на скатерть и внимательно, не мигая, уставилась на Сашу. Её мягкий, но пронзительный взгляд офисного аналитика сейчас видел его насквозь.

— Не надо, Саш, — тихо, но твёрдо перебила она. — Не закрывайся. Я же вижу, как у тебя руки ходят, когда ты эту бутылку держишь. Я тебе душу наизнанку вывернула, рассказала про всё своё позорище с капорами и нищетой, потому что доверяю тебе. А ты опять включаешь своего побитого волка. Мы полтора года спина к спине этот отдел тащим. Расскажи. Тебе станет легче.

Саша замолчал. В ушах снова тонко, навязчиво зазвенело. Он посмотрел на Лену — её лицо было полно такого искреннего, неподдельного сочувствия, что внутри него что-то окончательно надломилось. Гордость, страх, скрытность — всё это вдруг показалось мелким и ненужным. Ему отчаянно, до боли захотелось, чтобы хоть кто-то в этом мире узнал, почему он каждую ночь умирает от страха на своём подоконнике.

— Ладно, — выдохнул он, чувствуя, как с плеч падает невидимая бетонная плита. — Ладно. Только... пообещай, что не посчитаешь меня сумасшедшим.

Лена молча кивнула, подавшись вперёд и сжав пальцами край скатерти.

— До девяносто четвёртого года у нас всё было идеально, — Саша прикрыл глаза, и на его лице впервые за вечер появилась тёплая, настоящая улыбка. — Знаешь, такое абсолютно счастливое, беззаботное советское детство. Папа работал ведущим технологом, мама на мелькомбинате. А брат Лёшка... Лёшка был моим кумиром. Старше меня на семь лет. Настоящий ураган. Он знал все дворовые песни на гитаре, учил меня драться, защищал от старшаков. Помню, летом девяносто третьего он на свою первую зарплату — где-то раздобыл подработку — купил мне огромный арбуз. Мы притащили его на речку, раскололи прямо об камень и ели руками, истекая сладким соком и смеясь до икоты. Лёшка всегда говорил: «Мы с тобой, Саня, ещё горы свернём. Вот подрастёшь, я тебя на машине катать буду». У него была такая улыбка... солнечная, понимаешь? Ему все верили. И я верил. А потом... потом пришёл этот чёртов девяносто четвёртый.

Саша замолчал, его лицо снова осунулось и потемнело. Он медленно залез во внутренний карман своего помятого пиджака, выудил оттуда старый, потёртый кожаный бумажник и затрепанными пальцами достал из самого дальнего, потайного отделения небольшой, сложенный вчетверо листок бумаги. Бумага была плотной, глянцевой, но на сгибах уже совершенно обтрепалась и пожелтела от времени.

Саша аккуратно развернул её на светлой скатерти прямо между бокалами.

На Лену глянуло знакомое каждому человеку из девяностых сине-зелёное оформление с серией, номером и чётким, до боли узнаваемым типографским шрифтом: «Один билет Акционерного Общества МММ». По центру красовался строгий портрет Сергея Мавроди.

— Вот, — Сашин голос упал до зловещего шёпота. — Это всё, что осталось от нашей семьи. От Лёшки. Он скупил их тысячи. Думал, что спасает нас от голода, обещал мне новый велик, маме — шубу. А когда всё рухнуло... пришли бандиты. За долгами. Требовали реальные доллары, которые он взял под проценты у каких-то авторитетов. Дали неделю. Сказали, если не вернёт — сожгут квартиру вместе с нами.

Саша договорил фразу и вдруг замер. Его взгляд намертво прилип к глянцевому портрету Мавроди на билете. В глазах поплыли жуткие, радужные пятна. Звуки кухни Лены — тихий джаз из коридора, мерное тиканье настенных часов — начали стремительно отдаляться, словно он погружался на дно ледяного океана. На смену им пришёл пронзительный, режущий уши свист чайника. Тёплый свет фисташковой кухни померк, превращаясь в грязный, серый полумрак.

Саша провалился назад. В прошлое. В тот самый страшный день своей жизни.

Это было хмурое, промозглое ноябрьское утро 1994 года.

Одиннадцатилетний Саша возвращался из школы. Портфель казался необычайно тяжёлым, ноги в промокших ботинках безбожно мёрзли. Во дворе не было ни души — только ветер гонял по серой грязи палую листву. Лёшкина неделя, которую ему дали бандиты, истекла как раз сегодня. Мама ушла в ночную смену, папа уехал в область пытаться перепродать какие-то остатки заводских деталей, и Саша всю дорогу из школы молился только об одном: чтобы дома всё было спокойно. Чтобы чёрная Бека не стояла у подъезда.

Машины во дворе не было. Саша облегчённо выдохнул, взбежал на свой шестой этаж и остановился у двери. Сердце испуганно ёкнуло — входная деревянная дверь была не заперта. Она была слегка приоткрыта, сиротливо покачиваясь на сломанных петлях. Из тёмного коридора квартиры веяло могильным, замогильным холодом.

— Лёша?.. — тихо, с замиранием сердца позвал Саша, переступая порог. — Лёх, ты дома? Я пришёл.

В ответ стояла мёртвая, звенящая тишина. Ни звука. Саша аккуратно скинул мокрую куртку и прошёл по тёмному коридору в большую комнату. В квартире стояла зловещая тишина, и внутри Саши было странное чувство, а по всему ковру веером валялись те самые проклятые билеты МММ — сотни бесполезных сине-зелёных бумажек.

Саша сделал ещё шаг и поднял голову. Время для него остановилось навсегда.

Посреди комнаты, прямо под потолком, в петле из толстого бельёвого шнура висел его старший брат. Тот самый Лёшка. Шнур был намертво прикручен к тяжёлому металлическому крюку той самой пятирожковой люстры, которую папа принёс вместо зарплаты и которую бандиты растоптали неделю назад. Лёшка успел её починить и повесить.

Голова брата была неестественно, жутко заломлена набок. Лицо посинело, опухло и стало совершенно неузнаваемым, а когда-то живые, весёлые глаза теперь превратились в два мутных, пустых и стеклянных провала, которые смотрели в никуда. Его ноги в старых домашних трениках висели в полуметре от пола, застыв прямо над поваленной набок кухонной табуреткой. Рядом с табуреткой валялась разбитая хрустальная подвеска от люстры.

Саша оцепенел. Земля буквально ушла у него из-под ног. Громадный, удушливый ком ужаса перекрыл горло, не позволяя издать ни единого звука. Он не мог ни заплакать, ни закричать. Мальчик просто стоял, парализованный этой трагической, леденящей кровь картиной, и смотрел, как полы Лёшкиной старой рубашки едва заметно покачиваются от сквозняка из окна. Брат казался неестественно длинным, огромным и... лёгким, словно в нём совсем не осталось веса. На полу, прямо под его застывшими босыми ногами, в лужице растёкшейся грязи лежал клочок бумаги с корявой надписью: «Простите. Я не смог. Они вернутся».

Маленький Саша стоял посреди разгромленной комнаты, задрал голову вверх, и земля буквально уходила у него из-под ног. В ушах звенело так сильно, словно туда залили кипящий свинец. Образ посиневшего, жутко заломленного лица Лёшки и качающейся пятирожковой люстры выжегся на сетчатке его глаз навсегда. И вдруг эта глухая, леденящая маска ступора, сковавшая одиннадцатилетнего мальчишку, с треском лопнула.

Из самой глубины его детской, неокрепшей души вырвался дикий, нечеловеческий крик — помесь животного рыдания и глухого, захлёбывающегося воя. Саша закрыл лицо грязными от уличной пыли ладошками, и сквозь пальцы хлынули горячие, безудержные слёзы. Его худенькие плечи судорожно вздрагивали под заношенной школьной формой.

— Лёша... Лёшка, зачем?! — сквозь удушливые всхлипы, теряя рассудок от горя, закричал Саша.

Он бросился вперёд, попытался ухватиться за синие штаны брата, раскачивающиеся в полуметре от ковра, но пальцы лишь беспомощно скользнули по грубой ткани. Ноги Лёши были холодными. Вокруг веером лежали сотни проклятых сине-зелёных билетов МММ, и Саша в порыве ярости начал топтать их, рвать ногами, пачкая грязью из подворотни портрет Мавроди.

— Лёха, вернись! Зачем ты это сделал?! Я же говорил тебе, я же просил не брать долг! Лёшенька, открой глаза, пожалуйста! Пожалуйста, снимите его, кто-нибудь, помогите!

Его дыхание срывалось на свистящий, астматический хрип. Он звал брата так громко, с таким отчаянием, что его крик, казалось, должен был разорвать тонкие хрущёвские стены. Саша понимал: если он прямо сейчас ничего не сделает, если не найдёт помощь, то Лёшу уже никогда не спасти. Мама вернётся с мелькомбината через пару часов, и этот ужас убьёт и её тоже. Не помня себя, Саша развернулся и бросился вон из квартиры.

— Надо позвать... надо скорую, надо дядю Мишу из сороковой! Он сильный, он спасёт Лёху! — безумно бормотал мальчик, вылетая в холодный подъезд.

Тяжёлая деревянная дверь осталась распахнутой настежь. Саша бежал по крутым, грязным бетонным ступеням вниз на пятый этаж, спотыкаясь, обдирая локти о шершавые стены. Весь подъезд, пропахший кислым запахом сырости и дешёвого табака, наполнился звуками его отчаянных, захлёбывающихся рыданий.

Он подбежал к сороковой квартире, где жил их сосед, дядя Миша — огромный мужик, бывший десантник. Саша начал неистово, со всей силы колотить в хлипкую деревянную дверь маленькими кулачками. Дверь отзывалась глухим, жалобным треском.

— Помогите! Пожалуйста, дядь Миш, откройте! — кричал Саша, в кровь сбивая пальцы о жёсткие косяки. — Там Лёшка... мой брат! Он висит! Дядь Миш, умоляю, помогите его снять, он ещё тёплый, он дышит! Ну же, откройте кто-нибудь!

Дверь не открывалась. Время в девяностые было страшное: за дверью слышался испуганный женский шорох, щёлкнул дополнительный засов, но люди боялись бандитов, боялись разборок и не спешили впускать чужую беду в свои дома.

— Уходите отсюда! Чего орёте?! Сейчас милицию вызову! — донёсся из-за двери напуганный, дрожащий женский голос сожительницы дяди Миши.

— Откройте! Пожалуйста-а-а! — Саша завыл, его голос окончательно сорвался на хриплый, силый фальцет.

Поняв, что здесь не откроют, мальчик, теряя последние силы, бросился к соседней двери. Он колотил в неё ногами, наваливался всем своим маленьким худым телом на дверное полотно. Ошмётки старой дерматиновой обивки летели в стороны, мелкая штукатурка сыпалась ему на голову. Его пальцы были разбиты, из-под ногтей сочилась кровь, мешаясь со слезами.

— Люди! Да что же вы делаете?! Помогите! Там же брат мой... Лёха... — Саша бессиленно прижался лбом к холодной, заплёванной стене подъезда, медленно сползая на кор-

точки прямо на грязный цементный пол. Его рыдания превратились в тихое, жалобное скуление раненого зверька. — Почему никто не открывает?.. Мама придёт, что я ей скажу?..

Наверху, на седьмом этаже, со скрипом приоткрылась одна из дверей, и оттуда высунулась голова недовольной старухи в выцветшем халате:

— Ироды! Прекратите ломать двери! Понапились, наркоманы проклятые, Лёшка ваш опять дружков привёл?! Я участковому пожалуюсь!

Саша сидел на корточках, обхватив руками голову, и его била крупная дрожь. Подъезд старой хрущёвки казался ему огромным склепом. Вокруг царил звенящая, равнодушная пустота 1994 года — эпохи, где каждый был сам за себя, где за долги убивали, а билеты МММ ломали человеческие жизни.

Тук-тук-тук.

Звук был сухим, чётким и ритмичным. Это был не грохот выбиваемых дверей и не эхо Сашиних детских рыданий. Это Лена аккуратно постукивала по столу штопором, пытаясь привлечь его внимание.

Саша резко, с хрипом втянул в себя воздух, словно только что вынырнул из ледяной проруби. В глазах поплыли радужные пятна, серый цемент подъезда хрущёвки мгновенно растворился, уступая место тёплому, мягкому свету фисташковой кухни. Под ногами снова был дорогой паркет, со стены мерно тикали часы, а по светлой скатерти расплывалась багровая лужица опрокинутого вина, медленно затапливая сине-зелёный билет МММ.

Саша сидел абсолютно неподвижно, его пальцы мёртвой хваткой вцепились в край стола так, что побелели суставы. По бледным щекам катился крупный, холодный пот, а дыхание было рваным, свистящим.

Лена смотрела на него с нескрываемым испугом. Она замерла со штопором в руке, её брови были тревожно приподняты, а в глазах читалось искреннее непонимание.

— Саш... Саша, ты чего? — тихо, с заминкой спросила она, подаваясь вперёд. — Что с тобой? Ты завис... просто выключился на пару минут. Я тебя спрашиваю, какой вкус у этого шоколада, а ты устался на этот билет Мавроди и даже не моргаешь. У тебя зрачки огромные были. Что? Что случилось?

Саша судорожно сглотнул горький комок, подступивший к самому горлу. Сердце в груди колотилось как сумасшедшее, готовое вот-вот пробить рёбра. Образ брата Лёшки, висящего под раскачивающейся люстрой, всё ещё стоял на подкорке его мозга, но Сашина натренированная годами скрытность и инстинкт самосохранения сработали на автомате. Ему стоило титанических усилий разжать пальцы, вытереть ладонью липкий пот со лба и выдавить из себя слабую, виноватую улыбку.

Он не мог рассказать ей правду. Не мог признаться, что его брат повесился из-за этих бумажек. Если он скажет это сейчас — вся иллюзия их весёлого, безопасного вечера рухнет, и Лена окончательно убедится, что он сошёл с ума. Нужно было врать. Врать быстро и убедительно.

— Извини, Лен... — Саша поправил воротник рубашки, стараясь, чтобы его голос звучал как можно ровнее, хотя внутри его всё ещё била мелкая дрожь. — Что-то меня... накрыло воспоминаниями. Посмотрел на этот билет МММ, и прямо перед глазами встал тот девяносто четвёртый год.

— И что там? — Лена с облегчением выдохнула, но бокал из рук не выпустила, продолжая внимательно изучать его лицо. — Ты так побледнел, Саня. Будто призрака увидел.

— Да почти призрака, — Саша наспех поднял опрокинутый бокал и вытер скатерть бумажной салфеткой, стараясь замаскировать дрожь в пальцах. — Просто вспомнил, как у нас в девяносто четвёртом сосед по подъезду, дядя Миша, с ума сходил, когда эта пирамида рухнула. Он ведь десантник бывший, огромный такой мужик, все деньги туда ухнул, даже машину продал. И вот когда Мавроди арестовали, у дяди Миши крыша и поехала. Он посреди ночи

пьяный бегал по этажам, ногами во все двери колотил, орал, в кровь кулаки сбивал, умолял помочь ему какие-то долги вернуть. Мы с братом тогда в шкафу прятались, боялись, что он нашу деревянную дверь вынесет к чёртам. А соседи... никто не открывал. Все сидели за засовами, боялись. Такой ужас был, Лен. Весь подъезд его криками исходил: «Помогите, люди, помогите!». Я этот его голос до сих пор забыть не могу. Вот... бумажку эту увидел, и прямо уши заложило от того старого крика.

Лена слушала его, постепенно расслабляясь. На её лицо вернулось прежнее сочувственное выражение. Она мягко и аккуратно положила руку поверх его ладони.

— Господи, Сашка... Девяностые у всех были жуткими, — тихо вздохнула она, поглаживая его пальцы своим тёплым, успокаивающим жестом. — У людей тогда массово рассудок мутился от этой безысходности. Понимаю, почему тебя триггернуло. Ребёнком такое увидеть врагу не пожелаешь. Но ты послушай меня: дядя Миша этот — в прошлом. Девяносто четвёртый год прошёл. Сейчас нулевые, мы с тобой сидим в тёплой квартире, пьём вино. Всё закончилось, Саш. Ты в безопасности.

— Да... ты права, — Саша кивнул, делая глубокий, судорожный вдох и убирая пожелтевший билет Мавроди обратно в потайной карман бумажника. — Всё закончилось. Просто глупые детские страхи. Давай лучше выпьем за то, чтобы этот кошмар никогда больше не возвращался.

Они снова звякнули бокалами, и Саша послушно сделал глоток терпкого рубинового вина. Но ложь, которую он только что произнёс, жгла ему язык. Он знал, что ни черта не закончилось. Что дядя Миша из его воспоминаний никуда не бегал. Что бегал он сам, маленький и окровавленный.

Саша сделал ещё один приличный глоток, чувствуя, как тёплая волна вина наконец-то докатывается до самых пальцев рук и ног, слегка притупляя затянувшуюся внутреннюю дрожь. Ложь, которую он только что сорвал с языка, улеглась между ними тяжёлым, невидимым пластом, но Лена, кажется, ничего не заметила. Она сидела напротив, подперев кулаком щеку, и её взгляд стал совсем мягким, домашним. В фисташковой кухне было тепло, пахло шоколадом и хорошим табаком — Лена изредка доставала из пачки тонкую сигарету, аккуратно стряхивая пепел в маленькую хрустальную пепельницу.

— Да уж, Саш... — тихо протянула она, глядя на багровую лужицу на скатерти, которая уже почти полностью впиталась в ткань. — Нас послушать, так мы не из девяностых вышли, а из окопов какого-то невидимого фронта. Все с какими-то мешками за спиной. Знаешь, я иногда смотрю на наших девчонок из бухгалтерии — они такие весёлые, обсуждают новые туши, сериалы эти бразильские, парней, дискотеки... А я сижу в своём углу с графиками и чувствую себя старухой, которая уже три жизни прожила. Мне иногда кажется, что я просто разучилась радоваться обычным вещам. Вот просто так, без повода.

Саша понимающе кивнул, ломая оставшуюся часть шоколадки.

— Это из-за контроля, Лен. Ты привыкла всё держать в кулаке. Если ты расслабишься хоть на секунду, тебе кажется, что всё твоё здание, которое ты зубами выгрызала, просто рухнет обратно в то болото. Я сам такой. Каждое утро просыпаюсь с ощущением, что я кому-то что-то должен...

— Вот именно! — Лена оживилась, её глаза блеснули в полумраке кухни, когда она подалась вперёд, упираясь локтями в стол. — Точно! Страх облажаться. Мы ведь с тобой как две заведённые пружины. Слушай, а ты вообще о чём мечтаешь? Ну, кроме того, чтобы сдать квартальный отчёт и чтобы шеф не орал? Ну вот представь: у тебя есть куча денег, вообще любая сумма. Что бы ты сделал в первую очередь? Только честно, без этого твоего аналитического занудства.

Саша на секунду задумался, крутя бокал за тонкую ножку. Вопрос застал его врасплох. О чём он мечтал? О безопасности. О том, чтобы проснуться и не почувствовать запаха сырости. Но Лене нужно было ответить что-то нормальное, человеческое.

— Купил бы дом, — негромко сказал он, глядя на неё. — Большой, где-нибудь за городом, подальше от этих многоэтажек. Чтобы вокруг был только глухой забор, деревья и тишина. Чтобы никто не ходил под окнами, понимаешь? Никаких прохожих, никаких криков. Просто сидеть на веранде, пить чай и знать, что никто не постучит в твою дверь. А ты?

— А я бы уехала к морю, — мечтательно улыбнулась Лена, закинув голову назад и глядя в потолок, украшенный сталинской лепниной. — Настоящему, огромному морю, какому-нибудь южному. Купила бы маленькую открытую машину, красную, как в итальянских фильмах. Нацепила бы огромные чёрные очки, шёлковый платок на голову и мчалась бы по серпантину, чтобы ветер прямо в лицо, чтобы волосы назад! И чтобы музыка орала на всю катушку. И никакого офиса. Никаких презентаций. Телефон — в воду, прямо с обрыва!

Она звонко рассмеялась, и этот искренний, девичий смех окончательно разогнал остатки гнетущей атмосферы. Саша смотрел на неё и впервые за очень долгое время поймал себя на мысли, что ему просто хорошо. Настоящая, осязаемая реальность двухтысячного года сейчас была здесь, на этой фисташковой кухне. Лёшка и те бандиты остались в девяносто четвёртом, а Человек в пальто — на сырой улице под аптекой. Здесь были только они, полупустая бутылка вина и глупые, тёплые мечты о море и домах за забором.

— Знаешь, Сашка, — Лена внезапно посерьёзнела, опустив взгляд и аккуратно коснувшись кончиками пальцев его руки. — Спасибо тебе. За то, что пошёл со мной. Мне правда... очень не хватало такого разговора. Без масок. В офисе ведь все волки, все пытаются подсесть, подставить. А с тобой я чувствую, что могу просто быть собой. Хрупкой, глупой девчонкой, которая когда-то замёрзшими руками торговала пирожками у метро.

— И тебе спасибо, Лен, — тихо ответил Саша, чувствуя, как к сердцу подступает странная, непривычная доселе нежность. — Я бы на своём подоконнике сегодня точно с ума сошёл один.

Глава 6. Ночной стук.

Лена открыла было рот, собираясь сказать что-то ещё, возможно, ещё более личное и важное, но её слова застыли на взлёте.

В глубине квартиры, из тёмного коридора, раздался звук, от которого у Саши мгновенно перехватило дыхание, а кровь в жилах застыла, превратившись в колкий лёд.

Тук. Тук. Тук.

Это был стук. Но не в бокал, и не робкий стук случайного прохожего. Кто-то массивный, тяжёлый, но при этом неестественно спокойный трижды ударил кулаком прямо в массивную дубовую входную дверь квартиры. Звук пронёсся по длинному коридору сталинки, ворвался на кухню и эхом отразился от фисташковых фасадов, мгновенно убивая всё тепло этого вечера.

Саша замер, превратившись в каменное изваяние. Бокал в его руке опасно наклонился, и несколько багровых капель сорвались вниз, глухо упав на скатерть. На часах было начало третьего ночи.

Лена тоже вздрогнула, её рука отёрнулась от ладони Саши. Она нахмурилась, удивлённо оборачиваясь в сторону тёмного коридора.

— Странно... — пробормотала она, растерянно глядя на Сашу. — Кого это принесло посреди ночи? Может, соседи снизу? Мы ведь на лестнице так шумели, когда ты упал...

Но Саша не мог ответить. Его зрачки снова расширились, заполняя всю радужку, а слух обострился до предела. Он отчётливо слышал, как за дверью, в абсолютной тишине подъезда, скрипнула старая половица.

Саша медленно, словно преодолевая сопротивление невидимой густой среды, поднялся со стула. Колени были ватными, не слушались, а сердце колотилось в ушах так сильно, что заглушало тиканье настенных часов. Каждый шаг по длинному, заросшему полумраком коридору сталинки давался ему с огромным трудом. Лена осталась сидеть за столом, тревожно вглядываясь в его напряжённую спину, её пальцы судорожно сжимали хрустальную ножку бокала.

В коридоре было холодно. Источник этого холода, казалось, находился прямо за массивной дубовой дверью. Саша приблизился к ней, стараясь не издавать ни единого звука, затаил дыхание и, преодолевая сковывающий мышцы ужас, прильнул глазом к маленькому стеклянному кругляшку линзы.

Свет на лестничной площадке тускло моргал. В этом рваном, грязновато-жёлтом полумраке прямо перед дверью стоял силуэт. Мужчина был неестественно, уродливо высоким — его голова уходила куда-то под самый потолок пролёта, а плечи казались слишком узкими. На нём было то самое тяжёлое, расшитое тёмными нитями старинное пальто, полы которого едва заметно шевелились. Незнакомец стоял неподвижно, но в какую-то секунду его бледное, восковое лицо повернулось, и мёртвый, пустой, немигающий глаз уставился прямо в оптику глазка, словно заглядывая Саше в самую душу.

Земля с грохотом ушла у парня из-под ног. Вскрикнув, Саша отпрянул от двери и рухнул навзничь на твёрдый паркет. Рассудок окончательно дал трещину, вышвыривая его из реальности. Паника затопила сознание. Саша, не помня себя от первобытного страха, перевернулся на живот и, скребя ногтями по лакированному дереву пола, начал судорожно, дико ползти назад, вглубь коридора, подальше от этой двери. Он хрипел, его грудь ходила ходуном, а дыхание стало свистящим, частым и прерывистым, как у загнанного в угол зверя.

— Саша! Господи, Сашка, да что с тобой такое?! — Лена выскочила из кухни, едва не опрокинув стул.

Она подбежала к нему, упала на колени прямо на паркет и попыталась схватить его за плечи, чтобы остановить это безумное бегство. Её руки дрожали, а на лице застыла маска абсолютного недоумения и нарастающего испуга.

— Кто там, Саша?! Скажи мне, кто там стоит?! — срываясь на крик, судорожно спрашивала она, трясая его.

Саша остановился, прижавшись спиной к основанию зеркального шкафа-купе. Его зрачки расширились на всю радужку, а по лицу градом катился ледяной пот, размазывая набежавшие слёзы. Он дико озирался по сторонам, полностью потеряв связь с реальностью двухтысячного года. Натренированная годами лож рассыпалась в прах — сейчас перед Леной сидел сломленный, умирающий от ужаса одиннадцатилетний ребёнок.

— Они... они всё же пришли... — растерянно, задыхаясь, пробормотал Саша, качая головой из стороны в сторону. Голос его дрожал и прерывался.

— Пришли... Пришли выбить долг. Лёшкин долг. Они Михася люди... Они сказали, если не вернём, они нас убьют... Они квартиру сожгут, Лен! Не открывай, умоляю, не открывай им!

Лена оцепенела. Слова Саши звучали как полный, абсолютный бред, но то, с каким загнанным, смертельным ужасом он это говорил, заставило её сердце пропустить удар.

— Какой долг, Саша?! — судорожно, со слезами в голосе переспросила она, сильнее сжимая его плечи. — Какой Михась? Какой Лёша?! О чём ты говоришь, здесь никого нет, это моя квартира!

— Не открывай! — Сашин голос сорвался на истошный, вибрирующий крик, когда он попытался схватить её за руку. — Запри дверь! Уйди оттуда!

Но Лена, которой этот ночной кошмар наяву уже начинал выжигать нервы, резко поднялась с пола. Стыд, злость, страх и профессиональное стремление аналитика немедленно прояснить ситуацию взяли верх. Она решительно шагнула мимо трясущегося Саши прямо к входной двери.

— Я сама посмотрю, — тяжело выдохнула она.

Саша зажмурился, вжав голову в плечи и приготовившись услышать грохот выбиваемой двери и хриплые голоса бандитов в кожаных куртках.

Лена подошла к двери, уверенно прильнула к глазку и... замерла. Напряжение в её плечах мгновенно спало, сменившись глубоким, раздражённым вздохом облегчения. За дверью, переминаясь с ноги на ногу в тусклом свете подъезда, стоял невысокий, полноватый мужчина лет пятидесяти в помятых домашних штанах и накинута на плечи старой олимпийке. Это был её сосед снизу, дядя Толя. Он выглядел заспанным, злым и держал в руке пустую пластиковую бутылку.

Лена повернула замок, и дубовая дверь плавно отворилась. В коридор ворвался прохладный, пахнущий сыростью воздух подъезда. На пороге, переминаясь с ноги на ногу в тусклом свете мигающей лампочки, стоял невысокий, полноватый мужчина лет пятидесяти в помятых домашних штанах и накинута на плечи старой олимпийке — её сосед снизу, дядя Толя. Он выглядел заспанным, злым и раздражённо чесал затылок.

— Ленка, ну вы чего там, с ума посходили? — не дожидаясь, пока она заговорит, ворчливо начал сосед, зевая. — Начало третьего ночи! Все по подъезду ходите туда-сюда. А сейчас что за крики? Я понимаю, вы там свой сдали, обмываете, но совесть-то надо иметь. И вообще, что за притоны вы тут устраиваете?

Лена растерянно моргнула, крепче перехватывая край своего вязаного свитера.

— В смысле... притоны, дядь Толя? Извините нас, ради бога, мы правда не хотели шуметь, Саша просто плохо стало...

— Да я не про Сашу твоего! — перебил дядя Толя, раздражённо махнув рукой. — Я к вам поднимаюсь, а из-под твоей двери как раз выродок какой-то выскакивает. Высоченный, урод натуральный, головой чуть потолок не задевает! Напаялил на себя хреновину какую-то длинную, пальто не пальто, кафтан не кафтан... Чёрный, расшитый весь. Я ему: «Ты к кому, паря?», а он мимо меня по ступеням как по воздуху пролетел, бесшумно так, только ветер ледяной обдал. Чуть меня с ног не сбил, скотина! Это что за гость у вас такой пугливый, а?

Бандюган какой-то? Вы тут потише не могли с ним попрощаться? Завтра людям на смену, уймитесь, ради бога!

Дверь лифта на первом этаже в этот момент глухо захлопнулась, и до них донесся далёкий, тяжёлый гул уезжающей кабины. Дядя Толя ещё раз сердито сплюнул, развернулся и поплёлся вниз по ступеням, шлёпая старыми тапками.

Лена замерла на пороге, и всё её лицо мгновенно покрылось мертвенной бледностью. Слова соседа ударили её под дых. Значит, Саша не бредил. На улице никого не было, потому что этот человек уже зашёл в подъезд. Он стоял прямо у её двери. Он смотрел в глазок, пока Саша смотрел на него с той стороны.

Она медленно, с тяжёлым вздохом притянула к себе массивную дубовую дверь и повернула замок на два оборота. Щелчки механизма прозвучали в гробовой тишине прихожей как выстрелы. Вся эта нелепая, пугающая ситуация требовала немедленных ответов. Настоящие бандиты из девяностых, про которых кричал Саша, выследили его прямо здесь, в её доме. Она решительно развернулась к парню, готовая к самому жестокому и серьёзному разговору в их жизни.

— А теперь, Саша, сядь и послушай меня внимательно, — твёрдо, не терпящим возражений тоном начала она, делая шаг вглубь коридора. — Шутки кончились. Сосед его видел. Тот человек реально стоял за моей дверью. Кто это такой, Саша?! Кто такой Лёша? Какой долг?! Что за люди Михася за тобой идут?! Говори правду!

Пока Лена рассыпалась в вопросах, мир внутри Саши окончательно раскололся на мелкие, бритвенно-острые осколки. Ворчливый голос соседа, подтвердивший, что Высокий Человек только что сбежал, стал финальной точкой. Мысль Саши подтвердилась: «Они повсюду. Этот старик у двери — подставное лицо, он специально отвлёк Лену, пока киллер отходил к лифту. Они выследили меня. Они знают, где я».

Липкий, удушливый стыд от того, что он секунду назад ползал по полу, мгновенно сменился диким инстинктом самосохранения, смешанным с отчаянной, болезненной заботой о девушке. Если эти люди поймут, что он остался здесь, они вернутся с оружием и сожгут квартиру вместе с ней, как обещали Лёше в девяносто четвёртом. Он не мог подвергать её такой опасности. Намного безопаснее было выманить преследователей наружу, принять бой на улице, увести их как можно дальше от этой шикарной кухни, подальше от Лены, которая была ни в чём не виновата.

Саша действовал резко, жёстко и бесшумно, словно тень. Пока Лена, пятясь назад, требовала ответов, Саша уже вскочил с пола. Его пальцы, всё ещё измазанные в пролитом рубиновом вине, судорожно вцепились в шнурки ботинок. Он наспех, даже не завязывая их, обулся, схватил с вешалки своё лёгкое, промокшее пальто и потрёпанный кожаный портфель.

— Саша? Ты что делаешь? — Лена осеклась на полуслове, её лицо мгновенно вытянулось от удивления. Она сделала шаг к нему, испуганно выставив вперёд руки: — Саш, стой, ты куда? Мы же должны во всём разобраться... Куда ты собрался в три часа ночи?!

— Мне надо... Лен, мне надо идти. Я не могу здесь оставаться, — его голос звучал как чужой, сухой, надломленный хрип. Он безумным взглядом косился на закрытую дверь, за которой только что скрылся сосед. — Старик... он подставной, понимаешь? Он работает на Михася. Они проверили, что я тут. Я подвергаю тебя опасности, Лен. Если я не уйду, они ворвутся всей бандой и убьют тебя. Я должен увести киллера за собой.

— Да стой же ты! Какой Михась, ты с ума сошёл?! — закричала Лена, теряя преобладание над собой и бросаясь наперерез, пытаясь мёртвой хваткой ухватиться за рукав его пальто. — На улице шторм, ливень стеной! Куда ты бежишь?! Саша, не смей!

Но Саша был сильнее. Движимый адреналином и отчаянным желанием спасти её, он мягко, но непреклонно оттолкнул её руку, рванул защёлку замка и с силой потянул дверь на

себя. Входная дверь распахнулась с глухим стуком, ударившись о стену подъезда, и парень буквально вылетел на тёмную лестничную площадку сталинки.

— Саша!! Вернись! Сашка-а-а! — отчаянный вопль Лены эхом покатился по всему подъезду, разбиваясь о высокие потолки, но Саша уже ничего не слышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.